

О христианстве и антихристианстве

Во всех своих печатных выступлениях мы — поскольку это от нас зависит, обычно избегаем создавать поводы, могущие послужить возникновению не здоровой «полемики» вокруг «Третьей России». Делаем это мы по той простой причине, что предпочитаем, чтоб наше идейно-политическое лицо было внедряемо в общественное сознание, — особенно для начала, что очень важно, — нашей собственной рукой, при помощи нашего собственного слова, а не рукой и при помощи слова наших противников, которые, естественно, могут представлять его лишь в извращенном и уродливом виде.

Вся почти, сравнительно обширная полемика, которая, тем не менее, возникла вокруг нашего издания, была подтверждением правильности этого тактического соображения, ибо почти вся она была не критикой в обычном смысле этого слова, а злобно-намеренным извращением нашей политико-идеологической концепции.

Есть два, обычных для нашей нездоровой эмигрантской общественной атмосферы, способа борьбы с новыми идейно-политическими течениями: простое замалчивание их и, так сказать, замалчивание **отрицательное**, состоящее в том, что такие течения представляют в намеренно ложном и извращенном виде. Последний род «замалчивания», конечно, хуже первого, — потому же, почему отрицательная величина меньше нуля. В борьбе с нами наши противники прибегали по преимуществу ко второму, отрицательному роду замалчивания.

В некоторой мере от такого рода критики не свободна и статья проф. Н. С. Тимашева (см. «Возрождение» от 27-го октября 1934 года), хотя выступление на страницах выдающегося, при том «независимого» органа, казалось бы, обязывало к более положительным и объективным методам критики.

Начать с плакатно-«ударного» названия статьи: «Антихристианство в эмиграции», — хотя тут же автор сближает наше отношение к христианству с «бывшими одно время довольно модными учениями теософии и антропософии», которые, как известно, стоят на почве признания христианства. А как согласовать дальше, такую фразу: «Наши антихристиане **принимают**, но исправляют, снисходят, но хотят возвыситься». — Если «принимают», то почему же тогда «антихристиане!?!». Не есть ли это невольное «*contradictio in adjecto*», показывающее лишь то, что к этой антихристианской квалификации надо относиться так же, как и к тому, что в эмиграции один приход обвиняет другой в антихристианстве? А как быть с цитатами из наших же печатных заявлений, из которых исходит и сам Н. С. Тимашев и в которых говорится, что мы идем по пути «Синтеза», «Третьего Решения», творческого **вмещения** и преодоления христианства в новом высшем сознании?

Всем этим мы не хотим сказать, что мы — христианское течение, — в традиционном смысле слова, — мы хотим лишь сказать, что мы не антихристианское течение, — подобно большинству современных, особенно, левых общественно-политических течений, с той разницей, что они отвергают христианство, по выражению Достоевского, во имя «нуля», во имя ничего, мы — во имя более высокой Идеи, которая, в качестве Синтеза, стремится вместить и элементы истины, имеющиеся в христианстве.

Некоторые позиции и высказывания «Т. Р.» Цуриков в «Россия и Славянство» однажды назвал «предельно-искренними». Это, действительно, то, чем вообще совершенно выделяется «Т. Р.» из всех эмигрантских изданий. Тем более мы, естественно, должны стремиться к такой искренности в том, что составляет самое, так сказать, субстанцию искренности человека, — его предмет веры. — Так почему же не исходить из

того, что заявляют, что сами говорят, а настойчиво, вопреки этому, навязывать то, чего не говорят!? Что за большевистско-иезуитские приемы отношения к инакомыслящему? — да простит нам почтенный автор эту, быть может, излишнюю точность в выражениях.

Мы боимся, что отношение Н. С. Тимашева к нашим религиозным исканиям это — политика. И если это так, то это плохая политика и тем хуже тогда стоящая за ней религия. Ибо, когда политика занимается религией, то это также плохо, как когда религия занимается политикой.

В интересах справедливости надо сказать, что подлинные христиане к нам всегда относились с готовностью понять, с чувством участия и даже с каким то, неожиданным для нас... сочувствием. Но странно, что как раз плохо к нашему «антихристианству» относились всегда именно плохие христиане. Не указывает ли это на то, что дело не только в нашем «антихристианстве», но и в «христианстве» наших христиан. Можно сказать, что разница между восходящими и нисходящими идеями состоит в том, что за восходящие идеи умирают сами, а за нисходящие убивают других. Это верно не только в больших случаях, но и в мелких повседневных явлениях. Часто в «неверии» других мы лишь бичуем собственное неверие. А современное неверие «верующих» к тому же особого рода. Его предвосхитил циник, а на теперешнем благообразном языке: «прагматист» Джемс. — Важна не вера, а полезность веры. Отсюда не религия, а религиозное делячество. Не исповедание своей веры, а использование ее. «Истина — это наиболее целесообразное заблуждение» — вот формула, по которой живут эти «верующие». Тут даже мало сказать словами Кольриджа: «Вы не верите, вы верите только тому, что верите», ибо хуже того: они верят лишь в то, что необходимо верить. Отсюда же один шаг до религиозного макиавелизма, до утилитарного использования религии в целях политики. — Религия это не ценность, а полезность и не для меня, а для других. А вступив на эту почву, естественно, что занимаются уже не столько исповеданием своей веры, сколько бичеванием «неверия» других, в особенности, если это «неверие» есть, в действительности, лишь инаковереие, или тревога, дерзание, искание, что имеет место в

нашем случае. Но мы вышли из рамок предмета нашей специальной темы...

Говоря все это в общем виде, мы думаем, что сказанное в известной мере верно и в отношении критики Н. С. Тимашева. В ней во всяком случае больше от политики, чем от религии, от джи обычной политической борьбы, чем от истины религиозного отношения к действительности.

В чем же наша подлинная позиция? Ее цитирует из нашей передовой ст. сам Н. С. Тимашев: «Наше отношение к христианству не отрицательное и не апологетическое, а критическое, с одной стороны, и синтетическое — с другой» (см. передовую статью № 4-5 «Т. Р.»). Таким образом, отрицая в христианстве то, что в нем есть ложного и временного, мы принимаем в нем то, что в нем есть истинного и вечного. Это вытекает уже из обозначения нашего издания, как «органа осуществления нового **Синтеза**». Больше того: мы не только не являемся одним лишь отрицанием христианства, но представляем собой мирозерцание, именно титаническое мирозерцание, которое впервые от начала человеческого существования знаменует собой **реализацию** всего того, о чем мечтали и возвещали все религии и в особенности именно христианство. Еще во втором номере «Т. Р.» мы писали: «Стало, наконец, возможным ставить в качестве **человеческой** цели то, что лишь в качестве мифа, смели воздвигать великие религии. Стало, наконец, возможным титаническое мирозерцание, как **реалистический эквивалент** мифического теологического мирозерцания» («О новом жизненном идеале»).

Во всяком случае, не именуя себя христианским течением, мы содержим в себе больше от христианства, чем те, кто, называясь официально этим именем, в тоже время исповедуют человеконенавистнические, расистско-зоологические учения и устраивают государственно-организованные еврейские погромы во имя «арийского» Христа. И если последним позволительно, вероятно и с точки зрения Н. С. Тимашева, принимать христианство лишь постольку, поскольку они находят в жилах Христа арийской крови, то почему не позволительно нам принимать христианство постольку, поскольку в нем мы находим **Истины**.

Ко всему этому, повторяем и подчеркиваем, что отношение к христианству для нас частный и все же маловажный вопрос, чтоб в зависимости от него определять себя «христианским» или «антихристианским» течением. Христианство вообще занимает слишком незначительн. место в совр. действительности, что-б по характеру отношения к нему возможно было самоопределяться или что либо определять. И люди мыслящие таким образом последовательно и без соответствующих поправок на время, живут, собственно, в понятиях отдаленной древности, представляя с точки зрения нашей эпохи духовный архаизм, что-б не сказать, духовный атавизм. Аргументация же от «абсолютности» христианской истины, как истины во всем объеме данной раз навсегда, к которой прибегает также и Н. С. Тимашев, вообще не заслуживает серьезного обсуждения. Всякий сектант, всякий фетишист, поклонник пней и «священных» животных тоже убежден в «абсолютной» истинности и полноте своей веры. Но кого и к чему это обязывает? Человеку свойственно вообще считать свои воззрения окончательными, безусловными, — «абсолютными», что психологически и необходимо, ибо иначе он не мог бы в них по-настоящему верить. Но субъективную, психологическую закономерность не должно смешивать с объективной логической правомерностью.

Таким образом, уже поэтому бороться в наше время с христианством значило бы сражаться с исторической тенью, а не с исторической реальностью, во всяком случае — не с актуальной и не значительной силой современности. Главное же в том, что тот, кто борется за новое будущее, должен бороться с **настоящим**, а не с прошлым, с которым — больше того, будущее часто вступает в союз против настоящего. Такова логика и психология всякой борьбы. Поэтому, в частности, и наш главный и ближайший враг — **современный материализм** (буржуазный и коммунистический — одинаково), а не тот или иной вид прошлого религиозного сознания, — то, что реально **есть**, а не то, что некогда было. Ибо о христианстве все же приходится говорить по преимуществу в прошедшем времени. Если же верно положение: «*omnis determinatio negatio*», т.-е., что все определяется отрицанием, то наши противники, во всяком случае должны определять нас не только и даже не столько,

как «антихристианское» течение, сколько как течение антиматериалистическое; а при этом втором определении утрачивает смысл и первое, ибо материализм и является подлинной антитезой ко всякому теологическому сознанию. В действительности же эта двойственность нашего отрицания — и теологической тезы и материалистической антитезы, лишь указывает на синтетичность нашего утверждения, которое, преодолевая то и другое, в тоже время в высшем, творчески преображенном виде, вмещает их в себе.

В свое время у нас Мережковский пророчествовал о грядущем «Третьем Завете», как на Западе в том же духе Ибсен ожидал наступления «Третьего Царства». В 1877 г. этот последний в своей речи, произнесенной в Стокгольме, говорил: «Особенно же я верю в то, что идеалы нашего времени, отживая свой век, обнаруживают явное тяготение возродиться в том, что я в своей драме «Кесарь и Галилеянин» подразумевал под «Третьим Царством». К сожалению, эти замечательные прозрения двух выдающихся писателей-мыслителей нашего времени, так и остались не осуществленными. Ни тот, ни другой, высказав их, не обратился к поискам такого «Третьего Завета» или «Третьего Царства». По существу наше идеологическое течение представляет собой попытку исканий именно в этом направлении, в направлении некоего «Третьего Завета», некоего «Третьего Царства». Следовательно, оно не является ни христианским, ни антихристианским, относясь к христианству так, как к пройденному периоду человеческого развития, как к периоду духовного детства человечества.

Эти искания наш строгий критик (Н. С. Тимашев) обозвал «мешаниной», мешаниной, по его мнению, из индийской философии с ее основным принципом «тат твам аси» (все сущее есть ты), либерального протестантизма, идей Фейербаха, Федорова и Бергсона. Что касается самой «мешанины», то тут нам кажется, что почтенный профессор или не подумав, сказал, или сказал то, чего не думал, ибо о предельной цельности и монолитности нашей идеологической концепции, ее как бы вылитости «из одного куска» говорят даже наши, далеко не объективно настроенные, противники. Мы считаем нужным это отметить, так как в единстве и цельности системы видим один из существен-

нейших показателей ее истинности. Что же касается сложности и многообразия самих элементов этой «мешанины», то тут, незаметно для самого себя, Н. С. Тимашев вводит решающий довод в пользу как раз значительности этой «мешанины».

В самом деле, очень важно отметить, что помимо длинного списка составных элементов ее, приводимых Н. С. Тимашевым, другие наши критики, совершенно основательно, называют еще ряд имен и начал, как, например, Ницше, римское начало, Гете с его фаустовским всеобъемлющим стремлением и т. п. Из наших русских мыслителей сюда, конечно, надо было бы присоединить еще Розанова, Бердяева, Достоевского и лучших из элементов социальных чаяний всей нашей русской интеллигенции. Если же это так, а это действительно так, то это показывает лишь то, чего, повидимому, и не подозревают наши неосмотрительные противники, а именно, что наша идеологическая концепция не есть нечто высосанное из пальца, или случайно — односторонний сектанский заскок, а нечто опирающееся и вмещающее в себе элементы едва ли не всех выдающихся течений мысли современной и даже древней цивилизации. Иными словами, они сами, не желая того, лишь утверждают этим, что мы действительно, несем нечто, заслуживающее имени Синтеза, что, как мы неустанно повторяем, и составляет нашу конечную задачу и наш путь.

Тем самым, падает и сближение нас с Фейербахом, а следовательно, и с его последышами, марксистскими революционерами, которое, вопреки собственным высказываниям, в той же статье, делает Н. С. Тимашев. В самом деле, какой же Фейербах, если по собственным словам автора, тут элементы и индийской философии, и Федорова, и Д. Штрауса, и Берсона, не говоря о других, на которых он не указывает. В действительности, нет большей противоположности, чем между нашим мирозерцанием и фейербаховским. Фейербах очеловечивает Бога (как созданного самим человеком по образу своему и подобию), мы обожествляем Человека. Для него все абсолютное — лишь иначе понятое относительное, для нас все относительное — лишь непонятое абсолютное. Он, таким образом, в духе своей эпохи, **все снижал**, мы — в духе новой нарождающейся эпохи, **все возвышаем**. Тут полная полярная противоположность

двух совершенно различных миросозерцаний, из которых для одного «человек есть лишь то, что он ест» (Фейербах), что он потребляет; для другого он есть то, что он создает, что он преодолевает, — противоположность творческого человеко-божеского титанического миросозерцания и разрушительно-разлагательного человеко-скотского материалистического миросозерцания.

П. Б.

P. S По докладу В. М. Плечова, посвященному аналогичному вопросу: критике идеологии «Т. Р.», мы выскажемся в одном из ближайших номеров в связи с другими откликами.